

Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмэнь

“Элегия реки” выявляет плюрализм прибрежного Китая

Кризис на площади Тяньаньмэнь во многом является первым китайским телевизионным кризисом. Хань Суинь пишет: *«В Китае [политические] кампании всегда начинались с критики книги, эссе, статьи. Однако падение Чжао Цзяна было ускорено телесериалом “Элегия реки”»* (“Le vent dans ma roche”, 1991).

«Культурная революция» началась с того, что Шанхай выступил с критикой театрального представления в Пекине. Политический кризис Тяньаньмэнь начался с сериала по государственному телевидению, за которым в 1988 году следили миллионы китайцев. Это была яростная атака прибрежных провинций, связанных с модернизаторской линией Чжао Цзяна, против трёх столпов тысячелетнего Китая: Жёлтой реки (Хуанхэ), Великой стены и Дракона.

“Голубой” Китай против “Жёлтого” Китая

Ли Хун Чой, посол Сингапура в Китае, в своей книге о китайских региональных особенностях пишет, что в “Элегии реки” вина за отсталость Китая возлагалась на регион Хуанхэ (“Pioneers of Modern China”, 2005). В то время как Англия, Испания, Португалия и Нидерланды покоряли *«голубые моря»*, Китай продолжал плавать в *«грязных жёлтых водах»* своей реки. Будучи зажатым между Хуанхэ и Великим каналом, даже адмирал Чжэн Хэ (1371–1434), крупнейший китайский мореплаватель, так и не совершил заморских завоеваний, упустив исторический шанс. Вместо того чтобы стать *«голубой империей»*, Китай так и остался *«жёлтой империей»*.

Великая стена не помогла остановить *«варваров»*, которые в конце концов стали правящей династией, однако самих китайцев держала взаперти. Наконец, Дракон, символ императора и небесного мандата, *«ограничил»* разделение властей – ведь под небесами мог парить лишь один Дракон, – так что Китай не мог иметь современную *«парламентскую систему»* и был обречён на то, чтобы остаться *«средневековым»*, закрытым.

Демократия прибрежных провинций

На собрании “Восьми бессмертных” 21 мая генерал Ван Чжэнь недвусмысленно обвиняет Дэн Сяопина в том, что тот слишком долго прикрывал Чжао Цзяна. Он заявляет, что *«эта “голубая” или “прибрежная” цивилизация, настолько превознесённая в “Элегии реки”»*, была на самом деле *«цивилизацией хищников и бандитов»*. Дэн же недооценил спайку между *«своего рода культом личности»* молодого генерального секретаря и восхождением прибрежных провинций, даже когда они потребовали парламентской демократии против “Дракона”, то есть против самого же Дэна, и проявляли свой радикализм во время “паники” 1988 года, в чём их обвинил старый Чэнь Юнь.

Стоит отметить, что ориентация Чжао на плюрализм, судя по данной интерпретации, являлась лишь частичной линией, которая претендовала на роль всеобщей: требование плюрализма сводилось к тому, что больший вес в конечном итоге получили бы провинции, ориентированные на мировой рынок. “Восемь бессмертных” возражали и хотели, чтобы плюрализм гарантировался бы Драконом, то есть централизацией *«пяти озёр и четырёх морей»* Китая, которые, согласно известной формуле Дэна, представляют собой совокупность ключевых экономических зон, в число которых входит и регион Хуанхэ. Два противоположных движения: плюрализм и централизация – диалектически едины и регулярно находят моменты своего определения в китайской истории. Но вернёмся к героям этой истории.

Масштабы и плюрализм

10 мая в Политбюро обсуждаются плюрализм и вопрос о средствах массовой информации. Чжао Цзян выступает против Цзян Цзэминя, секретаря Шанхая, который зацензурировал *World Economic Herald*, независимую газету, основанную Цинь Бэньли в 1980 году. Цзян обвинил эту либеральную шанхайскую газету в попытке возродить “буржуазный либерализм”, ранее подавленный после смещения Ху Яобана, воспользовавшись поводом, предоставленным похоронами бывшего генерального секретаря. Чжао заявляет, что Цзян

«действовал поспешно и неосмотрительно в вопросе Herald». Ли Пэн, однако, в своих дневниках утверждает, что, увидев, как “Жэньминь жибао” подбадривает студентов в Пекине, Цзян Цзэминь понял, какую силу имеют СМИ, и быстро закрыл *Herald* 26 апреля (“The Critical Moment”, 2010). По сути, операция с *«редакционной статьёй от 26 апреля»* в “Жэньминь Жибао”, инициированная Ли Пэном, была той же самой направленности.

Чжао считал, что *«в такой большой стране, как наша, невозможно избавиться от всех проблем. Проблемы у нас будут всегда, но в большинстве случаев они не будут слишком серьёзными»*. Шанхай считал, что разногласия можно «сгладить», но Чжао, напротив, хотел дать плюрализму выражение через *«демократию и законность»* – то есть в рамках определённой степени демократии, включающей свободу выражения в СМИ, при этом ограниченной законом. Эту линию также поддержал Ху Цили, центральный уполномоченный за пропаганду, выходец из Комсомола Ху Яобана: *«Реформа информационных органов может сыграть важную роль в ускорении демократизации. Критическая пресса поможет поддержать жизнеспособность и долголетие нашей Партии и правительства»*.

Пространство и время демократии

Тем временем в Политбюро Чжао Цзянь и Ли Пэн предлагают две противоположные интерпретации возможных границ демократии. Ли Пэн в своём выступлении указывает, что *«уже были попытки захватить власть на местном уровне»: «И это мы называем демократией? [...] Если пустить всё на самотёк, весь наш народ может погрузиться в хаос»*. Следовательно, *«требования демократии нужно ограничить в соответствии с нашими национальными реалиями; мы можем продвигаться только медленно и методично, в согласии с установленными процедурами. Нельзя поддаваться эмоциям и терять объективность»*.

Таким образом, Чжао был обвинён в форсировании *темпов*. Однако вопрос времени связан с вопросом *пространства*. Чжао полагал, что плюрализм необходим, поскольку Китай слишком велик; по мнению Ли, напротив, именно потому, что Китай слишком велик, больший плюрализм означает риск образования внутренних трещин, за которые ухватятся иностранные державы. Это проявлялось и в самом Политбюро: Пекин выступил за порядок, Тяньцзинь – за *«удушающий»* диалог со студентами, а Шанхай – за *«средний путь»*. При этом такие провинции, как Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун и Сычуань с разными вариациями поддерживают *«выступление 4 мая»* Чжао.

Тезис Сун Пина о масштабах и политической форме

Кризис на площади Тяньаньмэнь, став определяющим моментом для Китая, послужил также проверкой соотношения сил между провинциями и политическими течениями. Сун Пин, выходец из органов госплана и орготдела ЦК, принятый в Постоянный комитет в июне 1989 года, уже в сентябре в своей речи в Пекинском университете связывал вопрос политических форм с размерами Китая и двумя внутренними диспропорциями (Собрание сочинений, Янчжоу, 2000).

Сун отвергает идею, что Пекину стоило бы поощрять *«парламентскую демократию [...] и разделение властей»*, и поддерживает, напротив, сингапурское определение китайской системы как *«консультативной демократии»*. Можно догадаться, что он имеет в виду, подводя итоги кризиса Тяньаньмэнь, если посмотреть на связь между масштабом Китая и его политической формой, между количеством и качеством. Классическое разделение властей на три ветви в либеральном государстве, разработанное западной буржуазией, внешне *«выглядит очень живым»*, но не подходит для Китая. Почему? Потому что в Китае *«более миллиарда жителей»* и он имеет *«очень низкую производительность»* в сравнении с западными конкурентами, значит, неизбежно испытывает *«неоднородное социальное и экономическое развитие»*.

Если бы Китай на этапе своего развития *«строго»* придерживался демократического разделения властей – того самого процесса, который на Западе занял *«столетия»*, а в Китае продолжается всего лишь *«около сорока лет»*, – внутренние неравенства могли бы привести к *«гражданским конфликтам»*, и нетрудно представить, что именно *«разделение властей»* этому бы поспособствовало. По сути, это означало бы, что различные ветви власти начали

бы противоборствовать на региональном уровне. Именно в этом состоял ответ на критику, показанную в “Элегии реки”.

ХРОНОЛОГИЯ: РАВНОВЕСИЕ ВЛАСТЕЙ ПОБЕЖДАЕТ ЧЖАО ЦЗЫЯНА

19 мая. На рассвете Чжао Цзыян встречается со студентами на площади Тяньаньмэнь. По указанию его личного секретаря Бао Туна *«три института и одна ассоциация»* Пекина требуют срочного созыва Всекитайского собрания народных представителей, чтобы выступить против *«закона о военном положении»*. В 116 городах проходят манифестации, число участников в 19 крупнейших городах оценивается более чем в десять тысяч. Чжао просит три дня отпуска по болезни.

20 мая. Премьер Ли Пэн подписывает *«закон о военном положении»*. В Пекине проходит шествие журналистов “Жэньминь жибао”. Манифестации в 132 городах. Первоначально провинциальный комитет Шанхая высказывается за *«военное положение»*.

21 мая. На собрании “Восьми Бессмертных” остро обсуждается *«проблема Чжао Цзыяна»*. Чэнь Юнь и Ли Сяньнянь – согласно одной из версий, уже пришедшие к соглашению с Дэном – предлагают кандидатуру Цзян Цзэминя на смену Чжао. Названы также имена Сун Пина и Ли Жуйхуаня в качестве кандидатов в Постоянный комитет. Ян Шанкунь говорит, что семь командующих Армии уже написали Дэну о своей оппозиции *«военному положению»*. Чжао Цзыян пытается вернуть из Канады Вань Ли, председателя ВСНП.

22 мая. “Восемь Бессмертных” созывают Политбюро, Центральную военную комиссию и Постоянный комитет парламента. В крупнейших городах проходят массовые манифестации. В иностранной прессе Генри Киссинджер отстаивает позицию Джорджа Буша – старшего, который предложил не выступать с чрезмерной поддержкой студентов.

23 мая. Центр информирует руководителей провинций о смещении Чжао Цзыяна. Цзян Цзэминь приветствует Ван Ли в Шанхае. Крупнейшая демонстрация в Пекине требует отставки Ли Пэна и отмены *«военного положения»*. Манифестации в 87 городах; около 400 тысяч участников в Гуанчжоу.

25 мая. По инициативе бывшего директора “Жэньминь жибао” Ху Цзивэя несколько десятков членов Постоянного комитета ВСНП подписывают петицию о созыве чрезвычайной сессии и отстранении Ли Пэна. В Пекине и Шанхае проходят манифестации в поддержку петиции.

27 мая. Из Шанхая Вань Ли объявляет о своей поддержке *«военного положения»*. Бао Тун арестован, а Чжао Цзыян помещён под домашний арест. Манифестации начинают постепенно затухать как в провинциях, так и в Пекине.

28 мая. “Восемь Бессмертных” встречаются с членами парламента и Народной консультативной комиссии, прежде чем отдать приказ об очистке площади Тяньаньмэнь.

31 мая. В кабинете Чэнь Юня “бессмертные” обсуждают, стоит ли сохранить членство Чжао Цзыяна и Ху Цили в Политбюро или, по меньшей мере, в Центральном комитете, и в какой мере нужно кооптировать потерпевшие поражение течения.

1 июня. По инициативе Ли Пэна МГБ выпускает доклад против людей Чжао в парламенте, пекинских *мозговых центрах*, университетах, газетах и Фонде Сороса. Правительство встречается с пекинскими профессорами.

3–4 июня. Армия вступает в Пекин и очищает площадь Тяньаньмэнь, убивая неизвестное число манифестантов (по официальной версии, около 300; по версии Хань Суиня, около 500; по другим версиям, тысячи).

5–8 июня. Массовые протесты в десятках крупных городов и их разгон силами милиции или армии. Приняли участие порядка 600 тысяч человек, однако затухающим изо дня в день трендом. Первые аресты. В одном только Пекине арестована тысяча человек.

16 июня. Дэн представляет Постоянному комитету *«третье поколение»*: нового генерального секретаря Цзян Цзэминя, Ли Пэна, Яо Илина, Цяо Ши, Ли Жуйхуаня и Сун Пина. Чжао Цзыян остаётся членом партии.

19–21 июня. На расширенном собрании Политбюро линия Чжао оказывается в меньшинстве. Дэн настаивает на продолжении *«реформ и открытости»*.

23–24 июня. IV Пленум XIII съезда КПК избирает новый Постоянный комитет Политбюро и ставит точку в политическом кризисе на площади Тяньаньмэнь.

Декабрь 2020 г.